

ПЕРОЧИННЫЙ НОЖИК

Константин РЫЖОВ,
г. Волжский Волгоградской обл.

Как мало порой нужно человеку для счастья! И разве ж это плохо? Хорошо!

Лето, никакой школы — благослови, Боже, того, кто придумал каникулы! Торопливый завтрак, босые мозолистые ноги в сандалии, любимая кепка с черепашкой на белесую макушку — до обеда не ждите! Крадучись поднявшись на последний этаж, аккуратно поддеваю защитную крышку, как годичными кольцами покрытую слоями разноцветной краски, и, засунув в дырку в стене короткие пальцы, нащупываю спрятанный меж проводов перочинный ножичек. Главное — вести себя тихо, а то глянет тетя Лариса в глазок, увидит, чем тут Витька занимается, и всё, пиши пропало. Сую ножичек в карман и прыжками через три ступеньки в мгновение ока уже на улице.

Ножичек — главная мечта любого мальчишки. С ним ты самый нужный, самый важный человек во дворе. О сколько нам открытий чудных... как там дальше-то... сулит этот маленький кусок металла и пластика. С ним и самурайский меч можно из вет-

ки выстругать, и послание потомкам на стене нащкрывать, и пульт управления космическим кораблем из картонной коробки вырезать — в общем, вещь поистине незаменимая.

Вот слышали вы про круговорот ножичка в природе? Ну, в природе — это чересчур громко сказано, конечно. Во дворе. Раньше ножичком этим владел Никитка, да проиграл его в глупом споре Андрюхе, что сможет до высоты третьего этажа на царь-тополь наш забраться, — не смог, ясное дело, уже в трех метрах над землей поджилки затряслись, вцепился в ветку и ни туда ни сюда, ни вверх, ни вниз — так бы и провисел до ночи, если б Коляна, старшего брата Ухана, не позвали снимать горе-хвастуна. А до Никитки, кажется, у Сереги ножичек был, а до него у Тёмыча. А тот его вроде как у старшекласников на что-то выменял. Теперь же честь владеть сей драгоценностью выпала мне — как кубок, переходящий из рук в руки, был этот ножичек торжественно подарен мне на день рождения Андрюхой — вот же хитрый лис, нет чтобы новое что-нибудь, интересное, так просто отдал мне то, в чем я и без того знал каждую зазубрину на лезвии, каждую вмятинку на рукоят-

ке. Только тортика на халяву поел да газировки попил. Знал бы — не позвал его.

Да и как подарил — отмучился, можно сказать. Хранение ножичка — дело хоть и почетное, но небезопасное. Домой не принесешь: если найдут, у-ух — отец выпорет, мать причитать будет, мол, сын по скользкой дорожке пошел, он же будущий врач, светило, а не уголовник какой-нибудь. И всё, не видать больше ножичка — ни тебе, ни всему двору. Так что, да, на каждого хранителя ножичка испокон веков возлагалась великая ответственность. Страшно подумать, что сказали бы мальчишки, узнав одним теплым летним утром, что ножичек благополучно утерян — навсегда. Пожалуй, проще было бы переехать в другой район, а лучше сразу в другой город, чем пытаться собрать по кусочкам свою репутацию обратно после такого.

А потому каждый должен был непременно организовать для ножичка тайник, да так, чтобы другие не знали, — своруют ведь! И главное, своруют — а дальше что? С ним тогда уже во двор не выйдешь, другим не покажешь, а то заклеят же, изгонят из приличного общества. Но ножичек этот неизбежно манит, завладевает сознанием, и хоть понимаешь, что и без того можешь играть с ним каждый день, а всё же закрадывается в душу густой липкой массой черное желание обладать им единолично. Вот так попрощаться со всеми вечером, а самому не домой, а в свой схрон, и держать этот ножичек в руках, любоваться им и всё причитать еле слышно, неосознанно: «Моя пре-е-елесть!», готовый до последней капли крови защищать своё сокровище от любых посягательств. Нет, о местонахождении ножичка никому знать решительно было нельзя, и история до сих пор умалчивает, где прятал его каждый из мальчишек.

Кидали его как-то в дерево, да только ни у кого почему-то не получалось его воткнуть, как в фильмах. И понимали вроде, что в фильмах-то вовсе не перочинный ножичек... Да и что за название такое — перочинный? Им, что, перья чинят? То есть у каждого уважающего себя голубя или воробья имеется ножичек? Повредилось перо, так он этим ножичком раз! — и починил тут же. Да нет, бред какой-то. Напридумывают же названий, а ты сиди, ломай голову. Так вот, кидали, значит, всем двором ножичек в дерево, а он возьми и отскочи куда-то. И нет его — испарился! Всю траву прошерстили, на четвереньках ползали, на «камень, ножницы, бумагу» Эдику досталось в кусты колючие лезть,

там искать — нигде нет! А ведь до сумерек надо непременно отыскать, иначе домой всех загонят, а к завтрашнему дню ножичка явно уже не будет — утром дворник найдет или еще кто. За несколько часов успели и посмеяться, и позлиться, и обвинить Кривого, с чьей легкой руки ножичек был утерян, во всех грехах человеческих, и порасстраиваться, и теорий настроить разной степени безумности, а Тёмыч даже пытался какие-то геометрически-математические вычисления производить, рассчитать, в какую сторону и как далеко ножичек мог отлететь. И вот когда всякая надежда была уже потеряна, Кривой единогласным решением был признан врагом народа, а мама Никитки в третий раз зазывала того из окна ужинать и грозилась, что сейчас спустится за ним сама, — раздался счастливый визг: нашелся, родной! Погладив его десятком рук и пообещав, что никогда больше не будем кидать его в дерево, разбежались по домам, чтобы уже следующим утром вновь кидать его в дерево и угрожать Кривому, что открутим ему руки, если подобное повторится.

А вот в землю втыкать было гораздо проще. Но и тут своя наука — а как иначе! Почва не любая сгодится — в сухую и жесткую не войдет, а в рыхлой увязнет, как в болоте. Так что место для игры в «ножички» выбиралось тщательно, с проведением геологических исследований и созывом экспертной группы. Хотя почему «ножички», если ножичек-то всего один? А шут его знает. Может, по какому-нибудь ГОСТу играть надо было каждому своим ножичком, да только у нас он был один на всех. Чего не скажешь о методах и хитростях. Вот один утверждает, что владеет искусной техникой беспроектного метания ножичка, и охотно обучает этому других — святой человек! А вот и другой готов научить любого, да только делает это умышленно наоборот — зачем же конкурентов плодить, пусть вон лучше, напротив, бросают неправильно. Третий тоже знает уникальный метод, но поделится им только с тем, кто даст на велосипеде покататься или переводилку с динозавром подарит. А четвертый и вовсе настолько скрывает свою ультрасекретную технику, что просит всех отвернуться, когда метает. Да вот только ни разу за всё летоисчисление ни одному хваленому мастеру так и не удалось выиграть заветные пять раз подряд, а потому титул непревзойденного чемпиона двора так и остался никем не заслуженным.

Впрочем, доказать свое превосходство можно было и по-другому. Не иначе как вопросом чести было обозначить на каждом — каждом без исключения! — дереве во дворе покоренную тобою высоту. Вооружился ножичком, забрался так высоко, как смелости хватит, и выскребаешь на коре свое имя. Вот и всё, теперь подвиг твой увековечен, и поколения спустя мальчишки будут восхвалять таинственного героя прошлого и слагать о нем легенды. Гордо вздымаешь голову, и взгляд удрученно упирается в скромную надпись метром выше: «Валера». Когда он успел-то? Неужто пока я в деревне был? Вот же... Да я... да я его переплюну! Сейчас вот только... только... ой, а как он туда забрался-то? Тут же ни сучка, ни изгиба... опасно ж... Ну... я... я тогда на том дереве выше всех отмечусь! Там уж точно мне равных не будет!

Без ножичка не представлялось возможным добывать столь вожделенные всеми значки. И отнюдь не постыдно было, верьте не верьте, лазать по мусорным банкам да урнам в поисках жестяных банок. Уж очень любили почему-то тогдашние производители напитков заключать названия и логотипы своих фирм в этикие овалы — вот эти овалы мы и вырезали ножичком, распрямляли, оставив между кирпичами на ночь, и пользовались получившимися значками как местной валютой. Эмблемы эти можно было обменять на что угодно: игрушку, конфету, увеличительное стекло, магнит, горсть сухариков или глоток лимонада... Курс та-

ких значков периодически менялся в зависимости от степени редкости логотипа, и порой одну новую, никем ранее не виденную эмблему можно было обменять на десять старых — благо спрос был всегда. А вы говорите, что это взрослые изобрели торгово-рыночные отношения. Ну-ну.

И самое интересное, что ни один владелец ножичка не упускал возможности оставить на нем свой след на века. Правда, Сереге это удалось хуже всех: решил он перекрасить рукоятку в черный, да вот только использовал обычный фломастер, так что оставил в итоге след не столько на ножичке, сколько на своих ладонях. Другие же были более изобретательны: кто дырку для шнура проделал раскаленным зажигалкой гвоздиком, кто надпись крутую вырезал, кто придал рукоятке рельеф, сточив пластик о край бордюра. Другого такого ножичка не сыскать на всем белом свете.

Прошло столько лет, а я до сих пор храню этот ножичек. Вроде и дядька уже взрослый, и ножичков таких могу позволить себе мильон, да побольше и попрочнее — а всё же лежит он у меня на почетном месте рядом с коллекцией кэпсов и тетрадкой с наклейками от жвачек. Кто из ребят давно переехал, с кем потерялась связь, кого и вовсе уже нет в живых — а ножичек этот помнит каждого и сохранит память о них навсегда.

О сколько радости принес этот маленький туповатый предмет мне и моим друзьям в ту незабываемую, самую счастливую пору, имя которой — детство.

Константин РЫЖОВ

(псевдоним Константин СПИЦЫН) (1990),

писатель-прозаик, кандидат филологических наук.

Печатался в журналах «Знамя», «Симбирск».

Финалист VI Международной литературной премии «ДИАС», VI Всероссийского открытого молодёжного литературного фестиваля-конкурса

им. А. Л. Чижевского. Рассказы входили в шорт-листы XII Всероссийского литературного фестиваля-конкурса «Хрустальный родник», конкурса «Стилисты добра» XIII Всероссийского совещания молодых писателей и др.

